

В. Я. ЕВСЕЕВ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ И РУССКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ¹

Изучение национального своеобразия и исторической основы русского народного эпоса необходимо сочетать не только со сравнительно-историческим анализом эпоса разных славянских, но и других народов и, в частности, карел и финнов.

Прочные культурные связи между русским, карельским, водьским и частично финско-ижорским населением Новгородской Руси сложились уже в то время, когда отдельные этнические группы прибалтийско-финского происхождения вместе с восточными славянами принимали участие в процессе образования древнерусской государственности. В дальнейшем они развивались и укреплялись на протяжении многих столетий. Это не могло не привести к сближению некоторых идейно-художественных особенностей русского и карело-финского эпоса. В интересах изучения национальной специфики того и другого эпоса важно (наряду с анализом эпической поэзии в связи с исторической жизнью народа, его создателя) исследовать также и конкретные случаи проявления их взаимодействия (объясняя этот процесс, конечно, не с формалистических позиций теории заимствования).

Случаи прямого заимствования сравнительно редки. Но и они имели место. Так, например, неоднократно отмечалось исполнение русских былин карелами (как южных, так и северных районов Карельской АССР) в прозаических пересказах по-карельски. Частичный обзор сюжетов русских былин, бытующих в форме сказок на карельском языке, был осуществлен нами несколько лет назад,² и нет необходимости в его повторении.

Трудно сказать, исполняли ли русские былины по-карельски или по-русски те скоморохи и песенники, которые упоминаются в писцовой книге Водьской пятины за 1568 год в числе прочих лиц, облагаемых феодальными повинностями в городе Кореле. Известно, что в XIX веке от карел были записаны отдельные русские былины.³

В сказочном и даже песенном исполнении русских былин на карельском языке нет ничего удивительного: карелы жили по соседству с основными очагами былинной традиции Заонежья и Беломорья.

¹ Выступление на Всесоюзном совещании по изучению эпоса восточных славян в Киеве в июле 1955 г.

² В. Я. Евсеев. Руны «Калевалы» и русско-карельские фольклорные связи. Известия Карело-Финской базы АН СССР, 1948, № 3, стр. 68—89.

³ См. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2, М., 1909—1910. Т. 2, стр. 3.

Особый интерес представляют отдельные записи сказок с былинными сюжетами, произведенные среди карел Калининской области, где русское население уже не знает былин. Видимо, они говорят о том, что знакомство этих групп карел с былинной поэзией произошло уже несколько столетий назад, до переселения в подмосковные края.

В. Я. Пропп¹ обратил внимание на бытование сюжетов былин в форме сказки среди многих народов СССР — белорусов, украинцев, карел, удмуртов, коми, латышей, чувашей, якутов. К их числу можно прибавить эстонцев, мордву и ряд других народов.

Естественно, возникает вопрос о причинах и времени такого широкого распространения русских былин среди различных народов СССР. Очевидно, случаи усвоения русских былин этими народами говорят не только о заимствовании произведений устной народной поэзии. Они являются свидетельством многовекового, благотворного влияния русской народной культуры на общественную жизнь этих народов.

Русские былины об Илье Муромце, Дюке Степановиче, Добрыне в прозаическом и стихотворном виде бытуют у карел вероятно всего лишь три-четыре столетия. За это время, судя по отдельным записям былин на карельском языке, под воздействием имени героя карело-финских рун кузнеца Ильмаринена имя Ильи Муромца успело преобразоваться в сознании исполнителей в Ильма Муромца, а годами лежащий на печи герой карельской сказки получил имя Тухка (Пепельник) Муромец.

Не меньший интерес представляют другие, более сложные и вместе с тем более древние, случаи сближения русской и карельской эпической традиции.

Взаимодействие между русской и карельской эпической поэзией возникло в древности и выражалось не только в обмене отдельными сюжетами, но и в сближении отдельных мотивов, в сходном изображении аналогичных ситуаций, в одинаковых приемах раскрытия некоторых художественных образов, в использовании одних и тех же стилистических фигур (иногда в нарушении синтаксических норм карельской или финской речи). Все это говорит о сложном характере элементов общности, складывающихся на протяжении столетий в условиях коллективной шлифовки русских былин и карело-финских рун.

Прежде всего несколько замечаний, касающихся особенностей поэтического языка и стиля карело-финских рун. Например, всем карельским и финским диалектам чуждо такое использование вспомогательного глагола olla «быть», какое встречается в следующих стихах южнокарельской руны:

Буквально:

Oi on, seppä Ilmolline,
Taguo taputteloo
(KVR,² II; 115)

Ой есть, кузнец Ильмойллине,
Кует-наковывает

Между тем подобное (причем тоже не употребительное в современном русском языке) использование вспомогательного глагола характерно и для поэтического синтаксиса русских былин при величании богатырей: «Гой еси...»

Обратный случай — необычайное для карельских и финских диалектов выпадение вспомогательного глагола on «есть» в сотнях стихов

¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 234.

² KVR — Suomen kansan vanhat runot.

карельских и финских рун также говорит о влиянии синтаксиса русского языка. Например:

Буквально:

Tämä — pursi Väinämöisen Это Вяйнемейнена лодка.
(KVR, I, 469)

Иногда такой оборот ведет в рунах даже к разрушению восьмисложного стиха. Следовательно, его нельзя объяснять только стремлением к сохранению ритма. В отмеченных случаях синтаксические кальки с русского языка становятся стилистическим средством.

В приведенном примере, помимо эллипса, имеется инверсия. Использование инверсии в карело-финских рунах в большинстве случаев также сближает поэтический язык рун с русским синтаксическим строем. Благодаря инверсии под воздействием русского народно-поэтического синтаксиса послелогические превращаются в чуждые карело-финской разговорной речи предлоги.

Инверсия появляется в рунах сравнительно редко, но она способствует резкому приближению к синтаксическому строю русского языка и определяется как один из признаков «высокого поэтического стиля».¹

Из встречающихся в рунах грамматических форм, чуждых карельским и финским диалектам, можно отметить показатель отчества мужского рода. Например:

Kulervits on mies kuningas Кулервич — герой кунингас.
(KVR, XIII, 397).

Можно было бы привести много слов, ушедших или уходящих из современного русского и карельского языков, но сохранившихся в языке рун и былин (например, слова *kamzola* «камзол» и др.) и накладывающих свой отпечаток на художественные образы героев и гиперболически изображаемых мифических существ, имена и действия которых в былинах и рунах обнаруживают заметное сходство.

Наряду с древней версией карельской руны о большом быке известна и поздняя трактовка этого образа. Она отразила поэтические представления, характерные для эпохи феодализма, близкие к тем, которые выражены в соответствующей эстонской руны и русской былине-скоморошине о большом быке.

Поздние финско-ижорские варианты руны о большом быке так же, как русская скоморошина, содержат элементы сатиры на помещиков и вообще богатых. Вместе с тем образ большого быка в русских былинах существенно отличен. Большой бык русской былины, очевидно, представляется перешедшим во владение князя Рободановича, который расправился с крепостными-общинниками за попытку вернуть имущество, ранее принадлежавшее общине (Гильф., № 297). Воспоминание о том, что горнозаводчики Строгановы купили у князя Василия Ромодановского взбунтовавшихся крестьян-общинников и тем самым спасли их от казни, могло сохраниться в стихах былины о большом быке:

Кабы не люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Строганова,
Лише только головы отстоять
(Гильф., № 303).

¹ См. В. Я. Евсеев. К вопросу об инверсии в рунах. Труды Карельского филиала АН СССР. Т. VIII. Вопросы литературы и народного творчества. Вып. 1. Петрозаводск, 1957, стр. 40—56.

Ни в одном финско-ижорском или эстонском варианте руны о большом быке, естественно, нет таких исторических отражений.

Многие исследователи (в частности, сторонники так называемой «исторической школы») сопоставляли имена русских былинных героев Колывановичей и карело-финских и эстонских героев рун и сказаний — сынов Калевы. Действительно, сыны Калевы и Колывановичи могли возникнуть на одной и той же исторической почве.

После неоднократных средневековых восстаний финских крестьян отдельные группы их уходили на юго-восточный берег Финского залива. Это имело место и после восстания 1438 г., которое отразилось в финско-ижорской руне об осаде замка знатной вдовы Лейно крестьянами, вооруженными восьмью тесаками и десятью топорами. В одном финско-ижорском варианте этой руны изображается, как герои подплывают к замку Лейно в лодке Куллерво, сына Калевы (KVR, V, 434). В другом северно-карельском варианте Куллерво, сын Калевы, также изображается осаждающим вражеский замок (KVR, I, 989).

Представители прибалтийско-финских племен уже с X века входили в состав древнерусских дружин в качестве «находниц», «толковников» и т. д. Они и могли стать прототипами не только стоящих на богатырских заставах былинных Колывановых (Гильф., №№ 11, 118, 169, 185), но и сынов Калевы карело-финских и эстонских рун и преданий, нередко изображаемых в качестве идеализированных кунингасов. Согласно более поздним версиям финско-ижорских рун Куллерво, сын Калевы, называется «московским молодцем».

Однако намечавшаяся общность исторической основы в этом случае не привела к разработке одинаковых сюжетов.

В карело-финских и эстонских рунах и преданиях подчеркивается активность социального протеста сынов Калевы. Несколько реже они изображаются участвующими в войне и отказывающимися под этим предлогом возвратиться домой на похороны родных.

Летописные и даже былинные Колывановичи могли представляться выходцами из древнеэстонской Колывани, но вряд ли они пришли в русский эпос со своим прибалтийско-финским сюжетом. Тут могло быть лишь некоторое, может быть, позднее взаимодействие идейного содержания эпических образов, созданных разными народами под влиянием одной и той же исторической действительности. В. В. Мавродин, вероятно, не без оснований видел в известных по историческим актам колбягах (прототипах Колывановичей и сынов Калевы) представителей води и других прибалтийско-финских племен, создавших «вместе со знатью славянских кривичей и словен русскую государственность на берегах Волхова».¹

По-видимому, независимо друг от друга развились в былинах и рунах сюжеты о сватовстве героев и о брачной связи родственников. Однако и здесь не исключено некоторое взаимодействие. Героиня финско-ижорской руны, усевшаяся «как мешок русской пшеницы» в сани неузнанного ею брата, везущего татарам подать, говорит о себе: «Я дочь попа» (KVR, IV, 3379, 2968). Освобожденная от татар неузнанная сестра былинного Алеши Поповича тоже «дочь попа из Ростова» (Кирша, № 21). В другой русской былинно-балладе родственники оказываются «родиной из Киева, по прозванию Карповы» (Соболевский, I, 292, 293). Однако и в финско-ижорских вариантах рун иногда вместо имени Куллерво встречается имя Карпинен (KVR, XIII, 471). Кроме

¹ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Ленинград, 1945, стр. 383.

того, в отдельных вариантах этой руны герои, сватающиеся к своей сестре, оказываются не московскими молодцами и не купцами из Нарвы, но сватами, приехавшими из Киева (KVR, IV, 3079, 3445).

Вслед за русскими в Сибирь пришли отдельные выходцы из карел, лопарей-саамов, коми-зырян, эстонцев. Воспоминание о них хранится в названиях некоторых сибирских селений или их частей: Корельский конец, Лопарский конец, Зырянский конец, Кольванов завод. В свете этого кажется не случайной особая близость карело-финской руны о кровосмешении Куллерво, сына Калевы, и южносибирского варианта былины о Михайле Козарятине, о котором говорится стихами, характерными для былины о Дюке:

Из того было Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатя
Выезжал удача-добрый молодец,
Молодой Михайло-сын Козарятин.

Михайло слишком поздно узнает от своей сестры, плененной татарами, что и она

Из той Корелы из богатя
Козары дочь попа церкви соборная.

(Гуляев. *Былины и исторические песни из южной Сибири*. Новосибирск, 1939, № 7.)

Нам кажется, что совершенно прав В. Я. Пропп, считающий, что былина о Козарине — «один из основных сюжетов древнейшего эпоса».¹ Утверждая это, В. Я. Пропп отмечает в былине явные отпечатки нескольких эпох.

Эта былина не записывалась в Прионежском крае (также, как сходная по сюжету руна о соблазнении сестры Куллерво не представлена южнокарельскими вариантами), но она хорошо была известна на берегах Белого моря, по соседству с районами, в которых широко бытовала севернокарельская руна о соблазнении сестры. В связи с этим можно предположить былую взаимосвязь карело-финской руны о соблазнении сестры и русской былины о Козарине, распространившейся от берегов Белого моря до Сибири.

Как уже указано, цитированные выше стихи былины о Михайло Козарятине в основном характерны для былины о Дюке. В. Я. Пропп считает упоминание об иноземном происхождении Дюка из Корелы, Волыни и Индии былинно-литературной условностью.² Однако упоминание Корелы успело переместиться даже в сибирские варианты былины о Михайло Козарятине. Встает вопрос: не появилось ли это привнесение сравнительно давно, как своеобразное поэтическое отражение исторической действительности? Выходцы из Руси обосновывались и в Карелии. Это могли быть и дети боярские, и миссионеры-попы, и русские люди, занятые в древней Кореле промысловой охотой и иной торгово-промысловой деятельностью. Их потомки под фамилией Дюкиевы упоминаются в одном южнокарельском предании как защитники местного населения от иноземных захватчиков.³

В варианте былины о Дюке, записанном от крестьянина-карела Василия Лазарева (Рыбн. II, № 106), как и в некоторых других записях этой былины, Дюк выезжает в Киев «из той Корелы из богатя». Это привнесение не может быть случайным. Образ Дюка,

¹ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 148—149.

² Там же, стр. 462.

³ Фольк. архив ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР, карел. фонд, колл. № 134.

сложившийся задолго до появления былин на Севере, начал здесь, в обстановке взаимодействия русского и карело-финского эпоса, несколько изменяться. Намечалось даже частично фонетическое сближение сходных, но имеющих разное происхождение имен эпических персонажей Дюка и карельского *Деуко, имя которого более известно в карело-финском эпосе в форме Еукахайнен. Бесспорно, что состязание конями Дюка и Чурилы лишь отдаленно напоминает состязание Еукахайнена и Вяйнямейнена. Нельзя забывать о существенном различии образов молодого боярина Дюка и молодого Деуко или Еукахайнена. В то же время примечательно, что в одной старой записи северно-карельской руны Еукахайнен, также как и Дюк, изображается направляющимся в русский край (KVR, I, 1009). Частичное сближение образов этих героев так и не получило дальнейшего развития.¹

Наконец, очень коротко о взаимосвязи русской былины об Иване Годиновиче и руны об Иване Коенене. В этом случае снова надо иметь в виду не только сходство сюжетов и имен героев, но и существенное различие. Имя былинного Ивана Годиновича, действительно, во многих вариантах финско-ижорской руны соответствует имени Ивана, сына Коенена (KVR, XIII, 391—395 и др.), а героиня, как в русской былине, так и в вариантах севернокарельской руны называется Оленой (KVR, I, 562, 555 и др.). Олена, как в русской былине, так и в карельской руне, погублена мужем. В этом мог отразиться существовавший у карел и у русских средневековый домостроевский уклад, допускавший жестокую расправу мужа над изменившей ему женой. Финские исследователи Ю. Крон, К. Крон, В. Мансикка² и другие видели в этой карело-финской руне простое заимствование из русской былины. Однако они не обращали внимания на то, что ряда существенных деталей руны (например, мотива посылки героем мяса неверной жены теще) нет в русской былине об Иване Годиновиче, в которой вполне можно усмотреть «отрицательное решение темы сближения с захватчиками».³ Такое оправдание жестокого поступка эпического героя в карело-финской руне отсутствует.

Имена Ивана, сына Коенена, и былинного Ивана Годиновича известны не только в связи с сюжетом «расправы над неверной женой», но и в рунах и былинах с другими сюжетами. Может быть, не случайно в отдельных записях русских былин имя Ивана Годиновича заменяет имя Вольги Святославовича; о нем говорится:

Он ездил по всем землям, по всем ордам,
Он собирал дани, пошлины

(Гильф. № 255).

Совершенно так же и Иван Годинович, сын Коенена, во многих карело-финских рунах изображается едущим собирать дани, подати, которые, как и в карельских средневековых актах, называются деньгами с «дыма» (KVR, VII, 893). Упоминание термина «дым» в значении податной единицы со двора встречается в нескольких вариантах руны об Иване, сыне Коенена, иногда в связи с названием древнерусского торгового юго-западной Финляндии — Турку (KVR, V, 238).

Нет никаких сомнений в том, что образ Ивана, сына Коенена, развился в рунах, видимо, под сильным влиянием образа русского былин-

¹ В. Я. Евсеев. Руны «Калевалы» и русско-карельские фольклорные связи. Стр. 82—86.

² В. И. Мансикка. Алеша Попович и Иван Годинович в Финляндии. Этнографическое обозрение. 1907, № 3, стр. 28—41.

³ «Русское народно-поэтическое творчество». I, АН СССР, 1953, стр. 267.

ного Ивана Годиновича. Но встает вопрос: не был ли этот образ не только в руне, но, возможно, и в русской былине типическим обобщением представителей тех русских кругов, которые до татаро-монгольского ига в качестве служилых людей осуществляли административные обязанности в древнерусских торжках» типа западно-финского Турку? После отпадения торжков от древнерусского государства они возвращались на родину и могли попадать в незавидное положение, подобное тому, какое рисуется в рунах и былинах о Коенене и Иване Годиновиче.

Однако не только в руне об Иване, сыне Коенена, но и в былине об Иване Годиновиче имеются значительно более архаичные черты. Как правильно указывает В. Я. Пропп, Иван Годинович «не может выбрать себе невесту в Киеве потому, что в эпосе еще не вполне преодолена традиция выбора невесты вдалеке. Это было закономерно при родовом строе, когда за невестой ездили далеко, но теперь такая форма заключения брака вступает в противоречие с новыми формами быта».¹

Многовековые культурные связи карельского и русского народа, основанные на их прочной дружбе, обусловили органичность взаимодействия их песенного, в частности, эпического творчества. Благодаря взаимоотношениям этих народов связь карело-финской и русской народной поэзии осуществлялась в непосредственном общении самих народных масс, в основном — карельского и русского крестьянства. Можно было бы на ряде других сюжетов карело-финских рун и русских былин и исторических песен показать примеры взаимодействия и взаимосвязи эпической поэзии этих народов. Так, позднее, когда уже прекратился активный процесс развития русских былин, в карело-финских рунах и русских исторических песнях отразилось одинаковое отношение к Отечественной войне 1812 г., к русско-турецким и русско-японской войнам.

Перед исследователями стоит сложная задача сравнительного изучения эпоса народов, разных по своему этническому происхождению, но связанных многовековой дружбой и борьбой с общими врагами. Несомненно, что учет реальных фактов многовекового взаимодействия и взаимообогащения русского и карело-финского эпоса будет способствовать ее разрешению.

¹ В. Я. Пропп, Указ. соч., стр. 123.